ОТЗЫВ
официального оппонента
доктора педагогических наук, доктора психологических наук, профессора Аллы Владимировны ТОРОПОВОЙ на диссертацию Дымниковой Марии «ПСИХОМЕТРИЧЕСКИЙ МЕТОД ДИАГНОСТИКИ МУЗЫКАЛЬНОЙ ПАМЯТИ», представленной к защите на соискание ученой степени PhD по специальности "ПСИХОЛОГИЯ"

Представленная в защите диссертация Марии Дымниковой посвящена проблеме актуальной как для психологической науки, так и практики музыкального образования. Автор справедливо пишет: «Развитие необходимого профессионализма в области музыкального исполнительства в специальных средних и высших учебных заведениях с необходимостью требует изучения феномена музыкальной памяти, её природы, объёма, широты и временного интервала для сохранения воспринятого материала». Вместе с тем, в формулировании темы диссертации, её основной проблемы и цели автор сужает проблематику и, я бы сказала, уходит от раскрытия сущности функционирования, особенностей, типологии или специфики развития музыкальной памяти (МП) в область апробации возможности её психометрического диагностирования и стандартизации психометрических характеристик.

Эта технологическая проблема, безусловно, важна для развития научных подходов к диагностике МП, но не может быть решена без прояснения самой природы музыкальной памяти и вычленения в широком поле ракурсов для её изучения некоего фокуса для структурирования исследовательского поля вокруг главных вопросов.

Автор фокусируется на 3-х основных вопросах в широком поле изучения музыкальной памяти: вопросы эти связаны –

1. С изучением объёма памяти при восприятии музыки в виде отдельных музыкальных мелодий;
2. С возможностями психологической диагностики «латерализации» рабочей слуховой музыкальной памяти;
3. С изучением особенностей структуры музыки, оказывающей положительное воздействие на когнитивные процессы человека.

Сразу же бросается в глаза некоторая разноуровневость поставленных вопросов и их спорная решаемость в русле заявленной методологии – разработке психометрических шкал для диагностики с учетом выявления стандартизованных параметров в популяции.

Поскольку я не являюсь специалистом в области когнитивистики и психометрики, но являюсь таковым в области музыкальной психологии и психологии индивидуальных различий и личностных особенностей, проявляемых во взаимодействии с искусством, я позволю себе подчеркнуть, что буду анализировать диссертацию по этим параметрам и исходя из общей логики построения психологического исследования. Исходя из этого я обращаю внимание, как оппонент, на странную связь поставленных вопросов, а именно 3-го, с основной проблемой и темой исследования, не говоря уже о том, что на этот вопрос практически невозможно найти ответ, изучая лишь один из срезов работы музыкальной памяти и даже занимаясь проблемами музыкальных способностей. (Что такое «структуры музыки» - это её формообразующие элементы, фактура, стиль или что-то еще?... и Как можно оценивать «положительность влияния» на когнитивные процессы? На какие, на все сразу? И в чем заключается критерий происходящего влияния?)

Этот вопрос и задача видятся мне содержательно необоснованным и недоказуемым пунктом заявленных аспектов исследования и его можно было бы вынести за скобки методологических характеристик исследования в перспективы дальнейшей разработки темы после полученных результатов, если таковые дальние цели волнуют автора.

Итак, объектом исследования М. Дымниковой является «слуховая рабочая (оперативная) музыкальная память (англ. WAM memory - working aural musical memory): 1) как сложная когнитивная функция на базе восприятия и внимания, согласно определению Л. С. Выготского, памяти как высшей психической функции; 2) как вид временной - сенсорной памяти для материала музыки и музыкальной информации, входящий в музыкальный интеллект по классификации H. Gardner видов интеллекта».

Предметом исследования являются психометрические свойства метода диагностики рабочей слуховой музыкальной памяти.

Посмотрим на выдвинутые автором гипотезы исследования:

1. Временной интервал от 9 до 12 секунд и музыкальный размер 6 тактов могут служить индикаторами объёма рабочей слуховой музыкальной памяти.

2. Виды рабочей слуховой музыкальной высотной и ритмической памяти могут иметь обратную корреляционную связь.

3. Психометрический метод диагностики музыкальной памяти, как ВИД ОБЩЕГО ПСИХИЧЕСКОГО КОГНИТИВНОГО ПРОЦЕССА (*не понятно с точки зрения грамматики и выражения мысли*), учитывающий: { 3.1) временной объём рабочей памяти для длительности методических заданий; 3.2) мозговую нейропсихологическую организацию слухового восприятия музыки (как структуры ритмизированных высот) для структуры вариантов ответов методических заданий; 3.3) стимульный диагностический материал по структуре музыки с положительным воздействием на когнитивные процессы человека во время её слушания (восприятия);}
- может характеризоваться требуемыми психометрическими свойствами валидности и надежности для психологических тестов когнитивных процессов.

Для доказательства гипотез были поставлены задачи, в числе которых: «Провести исследование музыкальной памяти на 12-летних детях, с применением двух методов диагностики слуховой музыкальной памяти – психометрического метода и контрольного метода Р. М. Дрейка». – И это, действительно выполнено: Эмпирическую базу исследования составила группа 12-летних детей (общее количество 907 испытуемых) из общеобразовательных школ.

Далее: «Для психометрической проверки критериальной (эмпирической) валидности по другому критерию измеряемого свойства («функциональной латерализации») эмпирическая выборка составила 51 испытуемых в возрасте 19 - 20 лет». Возникает вопрос по этому пункту: Возможно ли совмещение данных разных выборок для выведения обще популяционных показателей психометрики музыкальной памяти?

В целом задача разработки и валидизации психометрической психодиагностики рабочей музыкальной памяти выполнена, получены следующие ценные и новые научные результаты:

- выявлен объем рабочей музыкальной памяти по длительности мелодий.

(Выявление временного параметра объема памяти, несомненно, важно и адекватно изучаемому явлению, т.к. музыка длится во времени, то временная координата удержания восприятия и удержания в оперативной памяти неизбежно присутствует в измеряемом объеме музыкальной памяти);

- разработана новая технология психометрики сложных феноменов, каким является музыка – для одновременного измерения двух переменных, принадлежащих функционально разным полушариям, с элементами так называемого реляционного соотносительного кодирования;
- получены данные о возможности отображения нейропсихологических закономерностей в процессе психометрической диагностики;
- разработан метод психометрии со шкалами полушарного взаимодействия
  1. с уровнями би-латеральности (гомо-генности) и
  2. функциональной асимметрии полушарий – для конкретной психологической функции – рабочей музыкальной памяти;
- разработаны дифференцированные варианты состояния межполушарного взаимодействия в слуховой обработке музыки и музыкальной информации, которые формируют разные «латеральные профили» рабочей слуховой музыкальной памяти как музыкального когнитивного психологического процесса.

Вместе с тем, автору хотелось бы задать целый ряд вопросов, а во многом не согласиться.

Вопросы:

1. Какое определение музыкальной памяти является Вашим рабочим?
2. Автор пишет в тексте и даже делает вывод «Рабочая слуховая музыкальная память является натуральным когнитивным музыкальным психическим процессом». Натуральные функции, со времен Л.С. Выготского, противопоставляются высшим психическим функциям, обладающим свойством социальности, опосредованности и т.д. Следует ли считать, что М. Дымникова подчеркивает независимость этой когнитивной функции от социокультурного опыта развития и, стало быть, МП не являющейся ВПФ? Тогда этот феномен противопоставляется функции памяти вообще, которая убедительно и доказуемо отнесена давно самим Выготским к ВПФ.

Как это понимает автор диссертации?

3. На каком основании делается вывод о «лечебном» или положительном действии «структуры музыки» (какой именно структуры?) на когнитивные функции, тем более что этот вывод делается дифференцированно по возрастам? Если исследование было проведено на 12-летних школьниках, а также малой выборке 19-20 летних, то откуда вывод про пожилых и страдающих деменцией?

А также ряд замечаний:

Работа изобилует неверными или поверхностными суждениями в области музыкально-психологической и музыкально-теоретической стороны исследования: например «высота музыкального звука обусловлена закономерностями равно-темперированного строя, т.е. математической меры» - как известно музыкальные звуки, являющиеся строительными тонами различных ладовых звукорядов в разных культурах, отнюдь не сразу и не везде эти ладовые системы музыкальной организации звуков претворились в равномерно-темперированный строй. Темперированный строй – продукт европейской инструментальной культуры (а именно фортепиано и других клавишных инструментов!) конца 17-го – начала 18-го веков, музыка же живет в разных натуральных строях несколько дольше, собственно всю историю человечества. А *математическая мера музыкальной гармонии* подразумевает совсем другое, о чем говорил еще Пифагор, Боэций и далее без остановок..... чистые пропорции в обертональном ряду одного тона.

Или «высоко-развитый музыкальный слух является признаком музыкальной одаренности и музыкальных достижений» - условие необходимое, но недостаточное, и эти «заявления» можно было бы не замечать в работе, если бы это не касалось самого предмета изучения!

Такое например суждение: «В зарубежной психологии базовые слуховые музыкальные способности определены как задатки и врожденные ресурсы, по форме общих и натуральных способностей, доступных каждому человеку». Неправомерно такое противопоставление по отношению к музыкальным способностям, которые именно Б.М. Теплов выводил из задатков и, собственно, первый исследовал их с помощью объективных методов измерения свойств нервной системы. Концепция Б.М. Теплова абсолютно вольно трактуется, без понимания, что базовой способностью он неслучайно выделил ладовое чувство, а высотный слух –его разновидность и компонент!

Вообще, научные труды российских исследователей памяти и музыкальных способностей мало изучены, что привело к случайному выбору сравниваемых положений по сущности музыкальной памяти (автор дает ссылку на словарь, а не на научные работы по памяти лаборатории Б.М. Теплова, например, - Изюмовой С.А., Чуприковой Н.И. и др., по музыкальной памяти суждения М.С. Старчеус, К.В. Тарасовой и того же Б.М. Теплова были бы более уместны в контексте данного исследования).

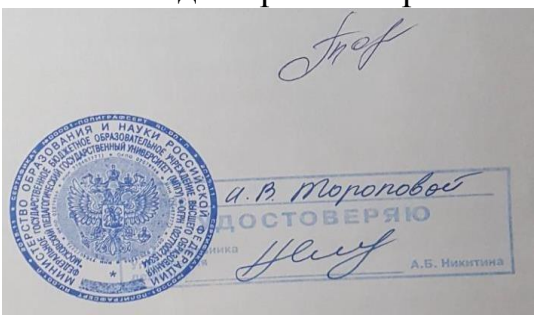
Некорректные высказывания и ссылки: так автор дает суждение со ссылкой на некоего К. Спинор (с. 31 дис) – это кто? – видимо К. Сишор? – при этом ссылка дается на работу Теплова, а не самого Сишора, хотя автор диссертации читает по английски!

Эти и другие досадные небрежные цитаты или суждения, возможно, следует считать некритичными для работы, посвященной психометрическим показателям конкретного вида музыкальной памяти - если бы не РМП не рассматривалась в жизненных проявлениях в деятельности музыканта как игра наизусть, а это долговременная память! Рабочая музыкальная память, о которой говорит и разрабатывает психометрические показатели автор, скорее выявляется в чтении с листа, но об этом ни слова! Психометрическая абстракция закрывает от взгляда исследователя психологическую реальность и практику, в которой реализуется изучаемый предмет – рабочая музыкальная память.

К числу помех для понимания и принятия текста диссертации также можно отнести не очень грамотный русский язык! : «поскольку музыка является инструментом биологического воздействия на человека, способным привести как к оздоровительным результатам, так и к разрушительным последствиям, в настоящее время резко возрастает потребность изучения механизмов памяти в связи с увеличением в популяции детей с когнитивными трудностями в учёбе и пожилых с нарушениями в когнитивном старении головного мозга человека» или «Анализ медицинской литературы в области музыкальной медицины и физиологии музыки доказывает, что музыка физиологически лечебная, в том числе для стимуляции когнитивных функций, характеризуется наличием чётких, структурных, акустических качеств. Ключевыми являются семь базовых параметров лечебной музыки: тембр звука (окраска), характер артикуляции (способ извлечения звука), мелодика, гармония, ритм, динамика и агогика» - названы параметры музыкальной ткани как таковой, а не т.н. «лечебной музыки».

Встречаются в тексте и другие неподкрепленные научными фактами высказывания, например, про выявление связи с альфа-активностью мозга (это область глубоко изучается в целом ряде исследований О.М. Базановой, Афтанаса, И.Н. Симаковой с моим участием, и бросаться высказываниями в этом направлении без обращения к существующим исследованиям – просто вызывает раздражение своей поверхностностью).

При этом при всем, в работе в качестве исходных оснований для поиска психометрических параметров выведены **верные общие положения,** что позволило мне принять позицию в поддержку данной работы М. Дымниковой: «Методология диагностики РСМП выходит за пределы диагностики самого воспроизведения или распознания после однократно предъявленного запомненного стимульного содержания. Одновременно определение музыкального слуха как процесса восприятия и чувствительности к распознанию изменений музыкальной высоты или музыкального ритма, содержит в себе процесс узнавания, который является также процессом памяти по виду воспроизведения. Таким образом, термины музыкальный слух как музыкальное восприятие и РП как непосредственное запоминание и непосредственное распознание (даже в парном восприятии) накладываются друг на друга. Они возможны различению только по взаимно-исключающимся формам стимульного диагностического материала. … При этом по определению памяти как сложной функции на базе восприятия и внимания, СМП не может существовать без наличия музыкального слуха и слухового внимания». Как на основании этих положений автору удалось разработать психометрический подход к тестированию РМП – судить специалистам в психометрике. Потому, считаю важным рассмотреть данную работу со всех сторон и вынести общее суждение. Считаю необходимым указать на тот факт, что работ в области объективных показателей для диагностики уровня функционирования и развития музыкально-познавательных процессов не так много, в силу этого появление данной диссертации также можно только приветствовать, а критические замечания прошу считать побуждающими к дальнейшему развитию профессионализма соискателя.

В целом, работа М.Дымниковой и подготовка ею материалов к защите произвели впечатление о соискателе как об ищущем и весьма продуктивном исследователе, а отмеченные недостатки, в таком случае, соискатель сможет учесть в дальнейшем своем научном пути. В свете изложенных аргументов, считаю, что работу можно поддержать (с указанием огрехов) и присудить искомую степень PhD по психологии.

Доктор психологических наук и доктор педагогических наук,
профессор кафедры психологии развития личности и
кафедры методологии и технологий педагогики музыкального образования
Московского педагогического государственного университета,
Алла Владимировна Торопова